

После манипулирования: о культурно-языковых последствиях манипулирования

Г.Г. Хазагеров, П.П. Лобас
(Россия)

Манипулирование – один из видов речевого воздействия, который обычно рассматривается в противопоставлении убеждению. Наряду с манипулированием и убеждением к речевым воздействиям относят также обман и приказ. Манипулирование в этом ряду определяют как скрытое речевое воздействие (Беляева, 2008, с. 25; Завьялова, 2003, с. 566 и др.). Иногда его на этом основании не считают речевым воздействием как таковым (Стернин, 2001)

При рассмотрении манипулирования решаются, во-первых, такие вопросы, как его допустимость, принадлежность определенным типам дискурса, где оно признается естественным. Так, в книге Е. Шейгал о политическом дискурсе в качестве его функций названы такие, которые однозначно относят этот дискурс к области манипулирования (Шейгал, 2004). Во многих работах, посвященных рекламному дискурсу, употребляется также слово «суггестия», т.е. внушение, что в действительности тождественно манипулированию, но имеет положительную коннотацию (Авдеенко, 2001). Наконец, иногда манипулирование признается неизбежным спутником речевого воздействия.

Во-вторых, в исследованиях, посвященных проблеме манипулирования, устанавливаются границы явления, или, что то же самое, идентифицируются случаи манипулирования: такая-то речь, такой-то текст и т.п. признается манипулятивным. Именно в подобных исследованиях называются сами манипулятивные приемы и зачастую обнаруживаются новые приемы. Особенно активно такие работы ведутся в области политической риторики. Так, Джордж Лакофф в работах, ставших классическими, рассматривая метафору «война – спорт» продемонстрировал, как действует один из важных видов манипулирования – манипулирование с помощью метафор (Lakoff, Johnson, 1988). Речь шла о публикациях в американских СМИ, где с помощью метафоры войне придавался, насколько это возможно, безобидный характер. Впоследствии эта тема стала чрезвычайно популярной в отечественных исследованиях. В ходе своих штудий именно Лакофф установил манипулятивные функции метафоры. В диссертационной работе одного из авторов настоящей статьи предпринята попытка разграничения манипулятивной и убеждающей функций метафор, а также других тропов (Лобас, 2011).

Значительно меньше исследовательских усилий затрачено на типологию манипулирования, хотя совершенно очевидно, что, например, манипулирование софиста Горгия с помощью фигур и манипулирование в тоталитарных дискурсах с помощью тропов вещи абсолютно различные, несмотря на то, что в поэтической речи тропы и фигуры выполняют достаточно близкие функции. Но способ речевого воздействия, которым пользовался Горгий и который он декларировал как универсальный и неопровержимый, был основан на использовании симметричных фигур и погружении слушателя в своеобразный транс, а способ, который получил распространение в тоталитарных режимах двадцатого века, был

основан на семантических сдвигах в тропе. В частности, речь шла о метафорах: метафоры из области спорта переносят игровое отношение на концепт войны.

Наконец, манипулирование практически никогда не рассматривается в плане культурных следствий.

Настоящая статья сфокусирована на манипулировании советского периода и его влиянии на постсоветскую языковую культуру, прежде всего на язык средств массовой информации.

Говоря о влиянии манипулирования, можно остановиться на двух моментах: культурной рецепции приемов манипулирования, что проявляется обычно в виде отдаленных последствий, и тех разрушений, которые причиняет былое манипулирование экологии языка.

Первому явлению была специально посвящена наша статья (Лобас, Хазагеров, 2014). Упомянем лишь о двух моментах, рассмотренных в ней и демонстрирующих механизм культурной рецепции, своеобразного применения манипулятивного приема «в мирных целях». Первое – это горгианское манипулирование и его последующее влияние на развитие художественной прозы в античном мире. Второе – это софистические уловки, освоение которых привело к использованию феномена софизма как школы логической мысли. Как видим, речь идет об обращении явлений, контрпродуктивных для культуры, в нечто полезное.

Наша сегодняшняя статья будет сосредоточена на отрицательном воздействии манипулирования советского периода на последующую культуру, т.е. на том, как явление, контрпродуктивное для культуры, продолжает оказывать негативное воздействие на культуру уже после прекращения своего существования через следствия многолетнего бытования.

То, что мы наблюдали сразу после прекращения советской пропаганды в начале девяностых годов, есть расцвет особого стиля, именованного на сленге тех лет «стебом» и отличающегося амбивалентностью оценок и эклектизмом. Об этом много писалось в свое время, но его негативное влияние на культуру продолжает сказываться и сегодня.

Что представлял или представляет собой стеб? Мы будем употреблять это слово без кавычек, так как точного его аналога в литературном языке нет. Стебом называли насмешливое отношение к действительности без какой-либо внятной позиции автора высказывания по отношению к осмеянному явлению. Позднее постсоветские исследователи стали отмечать в стебе провокационное поведение, установку на эпатаж. (Дубин, 2001, Свграфова, 2009).

Эпатаж, однако, бывает разный. Достаточно вспомнить эпатаж футуристов времен молодого Маяковского и сравнить его со стебом. На наш взгляд, главная черта нового стиля, почти безраздельно заполнявшего страницы газет и журналов и сохраняющегося сегодня, это именно отсутствие внятно сформулированной собственной позиции. Названное свойство коренным образом отличает проявления данного стиля от сатиры и, пожалуй, вообще от публицистического стиля прошлого. До некоторой степени это близко к тому архаичному явлению, которое исследователи фольклора и древней литературы называют смеховой культурой. Пробуждение к жизни достаточно архаичной, максимально «не гражданской» формы смеха представляется вполне закономерным следствием массивной пропаганды с ее архаичными установками, когда, по словам Э.

Кассирера, когда «водители» присваивали себе функции колдуна: избавляли народ от зла и предсказывали будущее (Кассирер, 1996).

Было ли это, однако, следствием былого манипулирования, или это был какой-то параллельный процесс, вызванный к жизни чем-то другим? Чтобы ответить на этот вопрос попробуем теперь идти не от наблюдаемой данности – языка СМИ девяностых и последующих годов, а от дедуктивных соображений: что должно было быть результатом манипулирования советского периода?

Ключевые вопросы, на которые здесь предстоит ответить, следующие. Как был его размах? Каков же был характер манипулирования? Как происходил его демонтаж?

Отвечая, на первый вопрос, следует признать, что размах манипулирования был беспрецедентным, по-видимому, не ведомым истории письменной речи вообще. В самом деле, на протяжении семидесяти лет в тексты любого жанра от справочной литературы до художественных произведений были включены, по воле автора или вынуждено, обязательные пропагандистские пассажи. Работала «позитивная цензура», если воспользоваться выражением Оруэлла. Несоответствие этих пассажей жанрам и темам обнаружилось сплошь и рядом. Так, в тексты по архитектуре включались цитаты из Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, к чему – и авторы это прекрасно понимали – не было никакого повода. То же было с текстами по древнерусской литературе, по живописи, по русистике и т.д. В толковых словарях давались иллюстрации, подтверждающие успешность текущих кампаний, что впоследствии застывало в словаре и оставалось в виде своеобразной окаменелости. Такова была, например, тема электрификации колхозов, о чем одному из авторов настоящей статьи уже приходилось писать (Хазагеров). В художественные произведения и киноленты насильственно вставлялись ходульные образы, если только весь текст не был иллюстрацией к плакату, так называемой «агиткой».

Что касается характера манипулирования. То он был смешанным. Манипулирование осуществлялось с помощью символики (особенно в тридцатые годы) и недобросовестного формирования повестки дня. В символике лидировали когнитивные метафоры с метонимическим компонентом, вроде доменной печи, выплавляющей будущее, или паровоза, устремленного в это же будущее по стальному пути. Недобросовестное формирование повестки дня заключалось в том, что явления, нужные пропаганде, но периферийные в действительности как в смысле их распространенности, так и в смысле их эффективности, настойчиво отражались в устных и письменных СМИ, в живописи, поэзии, энциклопедиях и т.д. При этом о подлинных явлениях, имеющих значение для жизни страны, умалчивалось.

Как же происходил демонтаж стеба и когда он начался? Историю стеба, как и историю разрушения пропаганды, относят к позднему советскому периоду. Только сначала стеб, естественно, находился под прессом цензуры, а потом хлынул на страницы газет. Все это наводит на мысль о прямой корреляции между многолетним и долгим манипулированием и последующей эклектикой в СМИ и, видимо, в массовом сознании.

Стеб мог родиться только на волне дезавуированной картины мира, на волне массового распада пропагандистских метафор. Его и рассматривают как противовес советском «новоязу» (используя термин Дж. Оруэлла). При этом некоторые исследователи удивляются живучести стеба, сохранившегося уже

после того, как «новояз» начал уходить со сцены, а официальная советская пропаганда прекратила свое существование (Агеев, 1996). С нашей же точки зрения, в этом нет ничего удивительного. Ведь речь идет не о сатире, не об «эзоповом языке» Салтыкова-Щедрина, когда позиция автора вполне осознана, но по цензурным соображениям он не может ее высказать. Речь идет о массовой и спонтанной реакции на распад того, что постулировалось как идеал. Смерть метафор, «которыми мы жили», явление масштабное и серьезное. Спонтанная реакция на распад примитивной, но массивной пропаганды имеет определенную инерцию. Более того, она может даже не быть инерционной, то есть не быть зависящей от времени прекращения пропаганды. Если мы, например, трактуем реакцию как ослабление критического начала или эклектическое равнодушие по отношению к общественно важным предметам, то исчезновение источника, вызвавшее это негативное явление к жизни, никак не означает исчезновения или даже ослабления отрицательных качеств, вызванных им к жизни.

«Установлено, - отмечают исследователи этого явления, - что в процессе распада советской системы и демократизации российского общества произошла трансформация советской мифологии в мифологию постсоветскую, эклектичную и симулятивную по своей сути» (Хибутия, 2012). Распад метафор начался еще в советское время и обогатил не только стеб, но и настоящую сатиру. Например, в творчестве Владимира Высоцкого его персонажи сплошь и рядом понимают казенные метафоры буквально и обнаруживают стремление говорить газетным языком, невольно мешая с ним просторечие, что создает комический эффект. Но позиция Высоцкого достаточно ясна: не верь «морю лжи», решай вопросы своей жизни сам. Позиция же тех, кто, выражаясь метафорически, поплыл на волнах стеба, есть позиция затерявшегося в этом «море лжи», позиция человека, утратившего ориентиры. Это особенно заметно в отношении цитат классиков марксизма.

Например, ленинская метафора «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны» неоднократно обыгрывалась в анекдотах, использующих метафору уравнения: «советская власть есть коммунизм минус электрификация», «электрификация есть коммунизм минус советская власть». Однако люди старших поколений и сегодня при упоминании об электрификации почти наверняка вспомнят эту ленинскую метафору. Подобным образом к концу советской власти накопилось огромное количество мало влиятельных, но при этом находящихся на слуху метафор. Они существуют на правах банка острот и даже хранятся на специальных сайтах (Сайт цитат). Но однозначно отрицательной оценки они не получают даже у тех, кто над ними смеется. Не получают они и однозначно положительной оценки. Скажите советскому человек «бытие определяет сознание», и он улыбнется, как знакомой шутке, возможно, вспомнит тогдашнюю остроту: «бытие определяет сознание». Но в самом ли деле сознание определяется бытием, это вопрос, который его занимает меньше всего. В массовом сознании существует огромный пласт почти десемантизированных, но хорошо запомнившихся высказываний. Это наследие активного внедрения «политической грамоты», не определяющееся – позволим себе шутку и мы – современным бытием.

Что касается игр с повесткой дня, то в поздние советские годы они отлились в формулу «мы говорим одно, думаем другое, делаем третье». Мало

того, что действительность, отраженная в официальном зеркале, была неузнаваемой, существенно расходясь с повседневностью. Но и при самой советской власти картина несколько раз радикально менялась на глазах одного поколения. Складывалась привычка к своеобразному двоимирию (Хазагеров, 1998). Компьютеризация, виртуальная реальность усилили эту привычку. Господствующее в обществе позднего модернити мироощущение не только мирится с сосуществованием рядом двух миров – виртуального и реального, – но и считает это нормальным, причем взгляд этот только укореняется. Перенос центра тяжести с письменных СМИ на устные, с газет на телевиденье еще больше укоренил виртуальную реальность как почти равноправную жизни. При этом падает чувствительность к противоречиям как внутри виртуальной «картинки», так и к противоречию этой «картинки» подлинной ежедневно наблюдаемой реальности.

Если суммировать сказанное, то можно констатировать, что и манипулирование с помощью символики, и манипулирование с помощью формирования повестки способствуют эклектичному восприятию действительности.

Но у стеба есть еще одна сторона – сниженность, граничащая с лингвистическим цинизмом. И эта сторона, на наш взгляд, тоже есть следствие длительного манипулирования, регулярного приукрашивания действительности, то есть со следствием манипулирования второго типа. Дело в том, что официальный язык был, разумеется, языком литературным и в качестве такового был кодифицирован, отражен в нормативных словарях и грамматиках. При этом он, однако, имел лакуны (следствие настойчивой борьбы с повесткой дня), был избыточно эвфемистичен, скрывал одно и навязывал другое, говорил в превосходной степени о третьем, т.е. был не только эвфемистичен, но и избыточно мелиоративен. Вследствие этого зона использования литературного языка была гораздо уже, чем это бывает в норме, в частности, чем это было в России до революции. Сами партийные функционеры и, особенно, хозяйственники, которым надо было решать реальные проблемы, не выдерживали советского литературного языка и говорили на языке «теневого», на сленге. Подобно этому и сами проблемы они чаще всего решали «теневым» образом, минуя официальные каналы. Экономисты назвали это явление административным рынком (рынком товаров и услуг), в народе это называлось «блатом» или обозначалось формулой «ты – мне, я – тебе». Но подобный «рынок» имелся и в языковой коммуникации.

Совокупное действие всех этих факторов, инициированное долгим функционированием массивированной пропаганды, то есть амбивалентность оценок, нечувствительность к противоречиям (эклектизм картины мира), сниженный взгляд на многие вещи («опускание планки дискуссий») нанесло явный ущерб экологии языка, нарушив сразу два экологических принципа – принцип устойчивого развития и принцип поддержания разнообразия. Жаргонизация языка, наблюдаемая и в СМИ и в повседневной речи, привела к безмерной экспрессии, нарушившей устойчивое развитие, нарушившей самое представление об экспрессии как о выделенной речевой стратегии. Общественная лексика, прорвавшаяся в публичное пространство, в обычный дискурс образованных людей обоюбого пола, яркое тому подтверждение. Стилистические рамки «поплыли». Далее, если говорить и думать на сленге, значительная часть

жизни оказывается в «слепом пятне», а это ведет к оскудению языка, к исчезновению разнообразия и тонких нюансировок. Об этом также много писали.

Таким образом, прекращение манипулирования само по себе не ведет к мгновенной реабилитации дискурса. Необходимы специальные меры по защите русского языка и русской речи. В области теоретической лингвистики такими мерами должно стать само осмысление ситуации. От наивной критики прошлого как чего-то нелепого и давно пройденного, как и от ностальгической его апологии, надо перейти к серьезному анализу этого прошлого. Сегодня уже написан ряд обобщающих работ, имеющих целью описать советскую лингвокультуру. В качестве примера назовем «Советскую герменевтику» А.П. Романенко (Романенко, 2008). Однако пока нет работ, связывающих советскую лингвокультуру с постсоветской, если не считать неубедительную констатацию того, что последняя буквально продолжает первую. С такой констатацией трудно согласиться. Даже те, кто разделяет советские ценности, сегодня говорят о них совершенно иным языком в совершенно иных контекстах. Даже приемы манипулирования в политическом дискурсе сегодня в век телевиденья совершенно другие, чем это было в прошлом, рецепция этих приемов также другая. Но трудно не согласиться тем, что одна лингвокультура наследница другой и что причинно-следственные связи надо изучать.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. БЕЛЯЕВА И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты. Ростов-на-Дону, 2008.
2. ЗАВЬЯЛОВА О.Н. Речевое (языковое) манипулирование // Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2003. С.566-570.
3. СТЕРНИН И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж. 2001.
4. ШЕЙГАЛ Е. Семиотика политического дискурса. М., 2004.
5. АВДЕЕНКО И.А. Структура и суггестивные свойства вербальных составляющих рекламного текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2001.
6. GEORGE LAKOFF, MARK JOHNSON. *Metaphors We Live By*. Chicago, University of Chicago Press, 1988.
7. ЛОБАС П.П. Тропика, синонимика, топика как средства убеждения и манипулирования: на материале текстов общественно-политической тематики. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2011.
8. ХАЗАГЕРОВ Г.Г., ЛОБАС П.П. Культурная утилизация манипулятивных технологий // Филологические науки // Известия Южного федерального университета, № 1, 2014.
9. ДУБИН Б. В. Кружковый стеб и массовые коммуникации: К социологии культурного перехода. // В кн.: Дубин Б. В. Слово — письмо — литература: Очерки по социологии современной культуры. — М.: НЛО, 2001. — С. 163—174
10. ЄВГРАФОВА А. О. Стъоб як мовна практика сучасного деідеологізованого суспільства . — Філологічні трактати. — № 1, 2009.
11. КАССИРЕР Э. Техника современных политических мифов // Антология культурологической мысли. М., 1996.

12. АГЕЕВ А. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М., 1996.
13. ХУБУТИЯ М.В. Мифологизация массового сознания в условиях демократизации российского современного общества. 19.09.2012.
http://discollection.ru/article/19092012_91514_hubutija/2
14. ХАЗАГЕРОВ Г.Г. Семидесятые. Двойничество? Двоемирие? Бинарность? //Знамя, 1998. № 12.
15. РОМАНЕНКО А.П. Советская герменевтика. Саратов. 2008.